U 100/235

И 235

ТРИ РЕФОРМЫ

РѢЧЬ,

ЧИТАННАЯ 19-го ФЕВРАЛЯ

ВЪ ЗАЛѢ

ТИФЛИССКОЙ ГИМНАЗІИ

ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ ИСТОРІИ

МИКЕЛАДЗЕ.

ТИФЛИСЪ

1880

И 100/235

ТРИ РЕФОРМЫ

РѢЧЬ,

ЧИТАННАЯ 19-го ФЕВРАЛЯ

ВЪ ЗАЛѢ

ТИФЛИССКОЙ ГИМНАЗІИ

ПРЕПОДАВАТЕЛЕМЪ ИСТОРІИ

МИКЕЛАДЗЕ.

Библиотека Рим...

ТИФЛИСЪ

ТИПОГРАФІЯ А. А. МИХЕЛЬСОНА

1880

XX-926

Дозволено цензурою, 25 февраля 1880 года.

2007099577

ТРИ РЕФОРМЫ

Во всей русской жизни, господа, едва ли мы можемъ найдти такой моментъ, который имѣлъ бы такое великое историческое значеніе, какъ эпоха, созданная благополучно-царствующимъ Императоромъ Александромъ II, 25-ти лѣтіе царствованія котораго мы нынѣ торжествуемъ.

Главная задача исторіи—прослѣдить умственно-нравственный ростъ человѣчества, усовершенствованіе государственныхъ формъ, общественнаго и семейнаго быта. Народъ только въ томъ случаѣ можетъ сдѣлаться достояніемъ исторіи, если онъ внесъ извѣстную долю въ общую сокровищницу цивилизаціи, если онъ хоть сколько нибудь

способствовалъ тому всеобщему движенію впередъ, которое составляетъ цѣль нашей жизни. Въ этомъ движеніи, въ этомъ неудержимомъ стремленіи къ самоусовершенствованію, естественно, всѣ единицы, изъ коихъ состоитъ народъ или государство—должны принимать участіе, сообразно своимъ матерьяльнымъ силамъ и духовнымъ способностямъ. Если же въ этой работѣ принимаетъ участіе лишь одинъ классъ, являющійся, такимъ образомъ, опекуномъ всего остальнаго населенія, тогда развитіе народа не можетъ быть здоровымъ, нормальнымъ—тогда въ самомъ государственномъ организмѣ будутъ заключаться сѣмена разложенія, гибели; такой государственный организмъ лишенъ возможности функціонировать вполнѣ правильно. Система опеки нигдѣ и никогда не отражалась благотворно на духовное преуспѣяніе народа: она препятствовала народной самодѣятельности, она тормозила проявленіе умственной работы, погружала мас-

су въ апатію, мозговую бездѣятельность. Сословная неравноправность, порабощеніе однихъ другими—вотъ горькій упрекъ, который мы дѣлаемъ минувшимъ вѣкамъ; неравномѣрное пользованіе гражданскими и политическими правами—вотъ одинъ изъ тѣхъ обвинительныхъ пунктовъ, которые представляетъ наше время противъ истекшихъ столѣтій. Этому колоссальному заблужденію прошлаго мы приписываемъ анормальности, мѣшающія спокойному теченію нашей современной жизни; до сихъ поръ мы не можемъ искоренить вредныхъ результатовъ, оставленныхъ намъ въ наслѣдство; по временамъ они даютъ себя чувствовать, отвлекая насъ отъ спокойной, послѣдовательной дѣятельности, отъ постепеннаго усовершенствованія нашей жизни.

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что задавленность массы была причиной гибели величаваго Рима; всѣ бѣдствія, постигшія это нѣкогда славное государство были результатомъ рабства; утра-

та чувства гражданской доблести, ослабленіе патріотизма, безстыдное лихоимство, развитіе до крайнихъ предѣловъ эпикурейскаго ученія, распространившаго нравственное растлѣніе особенно въ обезпеченномъ классѣ—все это находилось въ прямой или косвенной зависимости отъ того обстоятельства, что милліоны самыхъ свѣжихъ здоровыхъ полныхъ силъ подданныхъ были лишены правъ личности, правъ человѣческихъ; они какъ будто лишены были мѣста на общемъ пиру природы, они были отвержены отъ участія въ жизни.

Существенное зло, говоритъ Мишле, которое подрывало имперію не заключалось ни въ правительствѣ, ни въ администраціи; такимъ зломъ было рабство; другія язвы имперіи, покрайней мѣрѣ большая часть изъ нихъ, какъ напримѣръ, поглощеніе фискомъ народнаго богатства, постоянное возрастаніе нуждъ правительства, опиравшагося на одну военную силу, все это было только результатомъ прямымъ или ко-

свеннымъ послѣдствіемъ кореннаго зла.

Трудно не согласиться съ этимъ мнѣніемъ и пріискать болѣе основную коренную причину гибели древнихъ цивилизованныхъ государствъ Греціи и въ особенности Рима; было бы непослѣдовательно приписывать чему нибудь иному всѣ экономическія бѣдствія и соціальныя нескладицы, сдѣлавшіяся хроническою болѣзнью римскаго государства и сведшія его въ могилу. Римъ сдѣлался жертвой своей односторонней цивилизаціи, но своею гибелью онъ показалъ намъ всю несостоятельность своего соціальнаго строя. Было бы преступленіемъ не воспользоваться будущему этимъ убѣдительнѣйшимъ примѣромъ.

У насъ, въ Россіи, а равно и въ западной Европѣ, рабство въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно было санкціонировано римскимъ гражданскимъ правомъ, не существовало; но за то у насъ было крѣпостничество, недалеко, впрочемъ, ушедшее отъ перваго. Явленія, порождавшіяся какъ тѣмъ, такъ и дру-

гимъ поражаютъ своею аналогичностью; причина ихъ общая. Поэтому мы не измѣнимъ правдѣ, если скажемъ, что крѣпостничество не менѣе, чѣмъ рабство, тормозило правильное функціонированіе нашей государственной и общественной жизни.

По общепринятому мнѣнію, начало крѣпостничества принадлежитъ концу XVI столѣтія; всеобщее же, окончательное прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ и уравненіе ихъ такимъ образомъ, съ дворовыми людьми произошло лишь къ исходу XVII вѣка. Съ этого момента крестьянинъ теряетъ самое дорогое, священное право—право распоряжаться своею собственной личностью. До того времени онъ обладалъ одною личной свободой—теперь и она была утеряна. Въ данномъ случаѣ преслѣдовались исключительно государственныя цѣли—выгода дворянства, на которомъ опиралась сила правительства.

По всей русской исторіи вплоть до конца XVIII столѣтія бѣлою нитью

проходитъ принципъ — что личность и общество существуютъ для государства, а не на оборотъ. Быть можетъ, это было исторической необходимостью, быть можетъ, безъ этого не возможно было бы создать силу Россіи, сплотить въ одно могущественное цѣлое то множество независимыхъ областей, которыми такъ богатъ былъ удѣльновѣчевой періодъ; быть можетъ, въ этомъ дѣйствовалъ инстиктъ самохраненія и чувства безопасности цѣлаго народа. Какъ бы то ни было, личность и общество до конца XVIII столѣтія были поглощены государствомъ — интересы первыхъ уступали мѣсто интересамъ послѣдняго. Лишь въ концѣ XVIII вѣка подъ вліяніемъ запада, замѣчается новое направленіе; взгляды измѣняются; цѣлью государственныхъ распоряженій является уже общество, его благосостояніе, благополучіе. Прошу замѣтить, что подъ обществомъ здѣсь разумѣется исключительно высшіе классы; они только и имѣлись въ виду.

Великая Императрица выразила свое расположеніе этимъ сословіямъ тѣмъ, что уважила ихъ протестъ противъ отмѣны крѣпостнаго права, когда объ этомъ возбужденъ былъ вопросъ въ собраніи депутатовъ, созванныхъ въ 1767 году для реформъ, долженствовавшихъ улучшить государственный строй и распространить просвѣщеніе. Какъ бы то ни было, но указанный выше фактъ я считаю важнымъ поворотнымъ пунктомъ, измѣнившимъ направленіе русла, по которому текла историческая жизнь русскаго народа; онъ былъ первымъ лучемъ того великаго времени, когда плоды цивилизаціи должны были распространиться и на остальные классы.

Но ни реформы Петра, ни заботы Екатерины II и прочихъ нашихъ правительствъ не могутъ стать въ уровень съ тѣмъ, что произошло въ нашей жизни въ послѣдніе 25 лѣтъ; ни одно изъ ихъ мѣропріятій, ни одна законодательная мѣра не затронула, такъ сказать, *нѣдръ народной* жизни, такъ

какъ на нихъ лежала печать сословности, исключительности. По этому-то они и скользили по поверхности нашей жизни, не касаясь ея внутренняго строя, не измѣняя нашего соціальнаго быта, не импульсируя народной мыслительности. Крѣпостничество, такъ долго тяготѣвшее надъ Россіей, обрекло лучшія силы ея на одну лишь физическую работу для удовлетворенія съ одной стороны потребностей обширной имперіи съ другой-же дворянства. Рабочему классу загражденъ былъ доступъ къ образованію. Даже печать проповѣдывала, что *„не всѣ состоянія народа должны получать* одинаковое просвѣщеніе. Науки, *такъ называемыя свободныя художества* и всѣ тѣ наставленія, которыя составляютъ воспитаніе человѣка государственнаго, совсѣмъ не приличны для черни и даже вредны въ отношеніи къ общественному благоденствію. Сохрани насъ Богъ, продолжаетъ *Сѣверный Вѣстникъ*, если весь народъ будетъ состоять изъ уче-

ныхъ діалектовъ, замысловатыхъ головъ!".

Мы уже видѣли, что еще при Екатеринѣ II партизаномъ подобнаго рода идей явилось дворянство: оно же тормозило рѣшеніе вопроса объ освобожденіи крестьянъ при Александрѣ I. Превратно понимая смыслъ событій, происшедшихъ въ западной Европѣ, помѣщики подняли вопль, когда правительство желало выдвинуть на очередь вопросъ объ уничтоженіи крѣпостной зависимости. Были, конечно, люди со свѣтлымъ умомъ, стоявшіе на уровнѣ высокихъ идей нашего времени въ родѣ, напримѣръ, Боцкаго; но ихъ голоса заглушались шумомъ протестовавшаго большинства. Забитость, задавленность массы, естественно, препятствовала правильному интеллектуальному развитію и высшихъ классовъ. При существованіи крѣпостничества, неизбѣжны были извѣстнаго рода ложныя воззрѣнія на вопросы соціально-экономическіе: искаженныя понятія

руководящаго класса, натурально, искажали самый ходъ прогресса.

Не смотря на то, что въ концѣ XVIII вѣка были признаны человѣческія права личности, какому бы сословію она ни принадлежала, наши помѣщики, однако, оставались глухи передъ требованіями разума и справедливости. Даже правительство не въ силахъ было бороться съ этимъ зломъ. Гнетъ вынуждалъ крестьянъ къ побѣгу, оставленію своего домашняго очага, своей семьи. Помѣщики отправляли въ ссылку крестьянъ, заподозрѣнныхъ въ неповиновеніи; стоило только представить въ губернское правленіе 4 р. 36 коп., двѣ рубахи, шапку, зипунъ и пр., и „преступникъ" подъ сильнымъ конвоемъ препровождался въ отдаленную Сибирь *).

Разныя архивныя дѣла изобилуютъ безчисленными данными, необыкновенно ярко иллюстрирующими тяжелое

*) См. Мордовцева—Полож. крест. наканунѣ неволи.

положеніе подневольнаго класса въ сравнительно недавнее наше прошлое.

Но, вотъ, настала эпоха крымской войны. Это столкновеніе съ западно-европейскими народами воочію доказало намъ несостоятельность нашего общественнаго строя: Крымская война открыла намъ глаза, указала причины нашей слабости, нашей отсталости отъ болѣе просвѣщенныхъ народовъ Европы. Мы убѣдились въ старой истинѣ, что могущество государства далеко не зависитъ отъ многочисленности его войска, ни отъ самоотверженности его подданныхъ, необходимо поднятіе умственнаго уровня массы, необходимо пробудить въ ней самосознаніе, стремленіе къ самодѣятельности. Но, что-бы достигнуть этой цѣли, слѣдовало предпринять рядъ коренныхъ реформъ, которыя могли-бы измѣнить весь нашъ соціальный строй, экономическій бытъ. На очереди стоялъ вопросъ объ облегченіи участи подневольнаго класса, безъ рѣшенія котораго никакія мѣро-

пріятія не имѣли бы подъ собой почвы: мѣра эта должна была послужить фундаментомъ, на которомъ основалось-бы свѣтлое будущее нашего отечества. „Дѣло объ освобожденіи крестьянъ, сказалъ Императоръ въ рѣчи своей, при открытіи общаго собранія государственнаго совѣта 28 января 1861 года—дѣло объ освобожденіи крестьянъ я считаю жизненнымъ для Россіи вопросомъ, отъ котораго будетъ зависѣть развитіе ея силы и могущества". За четыре года до этой многознаменательной рѣчи Царя-Освободителя составлены были губернскіе комитеты изъ лицъ, выбранныхъ дворянствомъ каждой губерніи для подготовительныхъ работъ. Въ продолженіе этого времени много тревогъ пережила Россія. Обстоятельства, помѣшавшія исполненію постановленій о „трехъ—дневной барщинѣ" при Павлѣ, „о свободныхъ хлѣбопашцахъ" при Александрѣ I и „объ обязанныхъ крестьянахъ" при Николаѣ I—эти обстоятельства, повторяю, и теперь про-

явили свою живучесть. Родились сомнѣнія, опасенія за будущность Россіи.

Грустно, тяжело становится на сердцѣ, когда вспоминаешь, что въ половинѣ XIX столѣтія не малая часть нашего общества страшилась того, отъ чего ждали возрожденія другія государства и страны! Образовались, такимъ образомъ, двѣ партіи: *либеральная*, которая употребляла всѣ свои усилія, чтобы содѣйствовать дѣлу освобожденія крестьянъ на самыхъ лучшихъ условіяхъ т. е. съ землею; и другая — *консервативная*, она либо вовсе не *раздѣляла* намѣреній правительства, либо дѣлала уступку лишь въ смыслѣ безземельнаго освобожденія. Нужно было имѣть гигантскую энергію, неисчерпаемую силу воли, чтобы преодолѣть препятствія, которыя встрѣчало правительство на пути къ своей цѣли; оно находилось межъ двухъ огней: съ одной стороны рождались опасенія, чтобы не раззорить дворянства, всегда преданнаго престолу, съ дру-

той же—было немыслимо дольше сохранять то положеніе, существованіе котораго противорѣчило духу нашего вѣка. Но Монархъ, неуклонно преслѣдовалъ свою высокую цѣль. Онъ, не желая наносить ущерба матерьяльнымъ интересамъ помѣщиковъ, не допускалъ, однако, мысли—поставить крестьянство въ то жалкое положеніе, которое было-бы непремѣннымъ результатомъ дарованія *одной лишь личной свободы.*

Вы согласитесь со мной, что пройти счастливо межъ этой Сциллой и Харибдой составляетъ не малую заслугу правительства и исполнителей воли Царя-Освободителя. Но, Слава Богу, задача выполнена такъ удачно, что народъ русскій вѣчно будетъ помнить своего Благодѣтеля!

Губернскіе комитеты, окончивъ свои подготовительныя работы согласно программѣ, данной имъ правительствомъ, представили результаты своихъ трудовъ въ особо составленныя редакціонныя коммисіи, которыя должны были систе-

матизировать матерьялъ, имъ доставленный. Редакціонныя коммисіи употребили почти два года, пока выполнили возложенную на нихъ обязанность. Послѣ этого дѣло было передано въ главный комитетъ, работы котораго были представлены въ общее собраніе государственнаго совѣта, состоявшагося 20 января 1861 года, когда произнесена была цитируемая мною выше рѣчь Государя Императора. Обращаясь къ членамъ совѣта, Монархъ сказалъ: „Я увѣренъ, что вы всѣ, господа, столько-же убѣждены какъ и я, въ пользѣ и необходимости этой мѣры" (т. е. уничтоженія крѣпостнаго права).

„У Меня есть еще и другое убѣжденіе, и именно, что откладывать этого дѣла нельзя; почему Я требую отъ государственнаго совѣта, что-бы оно было имъ кончено въ первую половину февраля... Повторяю, и это Моя непремѣнная воля, чтобъ дѣло это теперь же было кончено...

„Всякое дальнѣйшее промедленіе будетъ пагубно для государства.“

Насталъ великій день! солнце свободы, ужъ пять лѣтъ ласкавшее своими слабыми лучами наши взоры, въ полномъ величіи своемъ появилось на небосклонѣ и озарило животворнымъ блескомъ своимъ русскую землю; разсѣялись мрачныя тучи крѣпостничества, давившія свинцомъ на мощную грудь добраго русскаго народа; 19 февраля 1861 года Высочайшій манифестъ возвѣстилъ, что... *крѣпостная зависимость уничтожается на всегда.* Согласно положенію, „крестьянамъ и дворовымъ людямъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, предоставляются права свободныхъ обывателей, какъ личная, такъ и по имуществу.

Помѣщики, сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли, представляютъ, за всѣ установленныя повинности, въ постоянное пользованіе крестьянъ, усадебную ихъ осѣдлость, и сверхъ того опредѣленное количе-

ство полевой земли и другихъ угодій *). За этотъ надѣлъ крестьяне обязаны исполнять въ пользу помѣщиковъ нѣкоторыя повинности. Такое положеніе крестьянъ считается переходнымъ. Крестьяне имѣютъ право выкупать усадебную осѣдлость, равно какъ пріобрѣтать въ собственность полевыя земли и другія угодья съ согласія помѣщиковъ и проч.

Такимъ образомъ, наступила новая эра въ жизни русскаго народа; упали тяжелыя путы съ ногъ двадцатимилліоннаго населенія, которое изнывало въ неволѣ въ продолженіе двухъ сотъ съ лишнимъ лѣтъ. Событіе это разомъ измѣнило обликъ нашего общественнаго быта.

Россія вступила въ новый фазисъ своего развитія какъ въ смыслѣ государственномъ, такъ и общественномъ Фундаментъ былъ заложенъ; теперь... нужно было строить остальное зданіе

*) Смот. Общее положеніе о крестьянахъ, вышед. изъ крѣпос. зависимости.

народнаго счастія и государственнаго благополучія.

Оставляя въ сторонѣ финансовую реформу, начатую еще до 19 февраля и вызванную паденіемъ курса нашего рубля, вслѣдствіе чрезмѣрнаго увеличенія количества кредитныхъ знаковъ, я перейду къ краткому перечню лишь тѣхъ правительственныхъ мѣропріятій, которыя способствовали уничтоженію вредныхъ инстинктовъ, сопряженныхъ съ крѣпостнымъ произволомъ.

Положеніе 19 февраля еще не могло уничтожить тѣхъ печальныхъ явленій нашей жизни, которыя, вытекая изъ духа крѣпостнаго права, вредно отзывались на нравственность народа. Нужно было измѣнить систему наказаній, судопроизводства, народнаго просвѣщенія и пр.

Статистика доказала, что ни смертная казнь, ни тѣлесныя наказанія, каковы бы ни были ихъ формы, не только не уменьшаютъ числа преступленій и проступковъ, но даже увеличиваютъ

его. Къ величайшему сожалѣнію, нѣкоторыя государства Европы до сихъ поръ не исключили смертной казни даже за уголовныя преступленія изъ своего уложенія о наказаніяхъ, не смотря на всю вѣскость доводовъ науки противъ подобной карательной мѣры. Смертная казнь у насъ существуетъ развѣ для исключительныхъ случаевъ. За обыкновенныя уголовныя преступленія, какъ бы тяжки они ни были, она не имѣетъ мѣста въ нашемъ уложеніи о наказаніяхъ. Не могу не констатировать этого отраднаго факта. Какъ видите, господа, въ данномъ случаѣ мы оказались болѣе послушными указаніямъ науки и здраваго смысла, чѣмъ нѣкоторые изъ просвѣщенныхъ европейцевъ.

Тѣлеснымъ наказаніямъ у насъ въ послѣднее время подвергались исключительно преступники изъ непривилегированнаго класса. Кромѣ того, что мѣра эта не достигала своей цѣли въ смыслѣ исправительномъ и вредно отзывалась на нравственность преступни-

ка, она противурѣчила еще основнымъ началамъ правосудія, по которымъ законъ не долженъ отличать плебея отъ патриція, эвпатрида отъ демота, сильнаго отъ слабаго. Указъ 17 апрѣля 1863 года уничтожилъ эти несообразности. Послѣдняя война наша съ Турціей убѣдительнѣйшимъ образомъ доказала, что отмѣна тѣлеснаго наказанія и въ войскахъ не только не ослабила дисциплины, но способствовала возвышенію нравственнаго духа нижнихъ чиновъ, которые болѣе сознательно чѣмъ когда-нибудь исполняли свой долгъ передъ Отечествомъ и Престоломъ помимо всякихъ шпицрутеновъ и „кошекъ."

Въ ряду всѣхъ реформъ настоящаго царствованія, послѣ крестьянской, судебная реформа занимаетъ безусловно первое мѣсто. Нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что уничтоженіе крѣпостнаго права *на практикѣ въ самой жизни* было дѣломъ новыхъ судебныхъ уставовъ и, въ самомъ дѣлѣ, едва-ли мы безъ судебной реформы когда-ни-

будь излечились бы отъ того недуга, который привило намъ крѣпостничество.

Нѣкоторые изъ принциповъ, которые, между прочимъ, легли въ основаніе судебной реформы, находимъ и въ древней Руси. Какъ въ періодъ удѣльно-вѣчевой, такъ въ ранній московскій—судъ былъ присяжный. Нужно сказать, что судъ присяжныхъ—обыкновенная форма суда у всѣхъ почти народовъ съ примитивной культурой; онъ встрѣчается также у древнихъ германцевъ. Въ Англіи честь возстановленія этого обычая принадлежитъ Альфреду Великому. При судахъ намѣстниковъ московскихъ государей, общины назначали своихъ представителей *судныхъ мужей, старостъ цѣловальниковъ*. Еще позднѣе сельскимъ городскимъ общинамъ даровано было право судиться выбранными изъ среды себя лицами. Но, съ теченіемъ времени, словесное судопроизводство было вытѣснено письменнымъ, суда присяжныхъ уже болѣе не встрѣчаемъ;

административная и судебная власть переплетаются между собой; увеличивается число инстанцій, а вмѣстѣ съ тѣмъ всевозможныя формальности, непосредственно вытекающія изъ духа бюрократизма. Все это мѣшало быстротѣ рѣшеній дѣлъ и вводило тяжущихся въ громадные расходы. При этомъ, конечно, правосудіе не гарантировалось отъ лихоимства, корыстолюбія, либо отъ вліянія различныхъ „связей" и пр. Подобный порядокъ, сохранившійся въ главныхъ частяхъ до 60 годовъ, требовалъ кореннаго измѣненія. Поэтому возложено было на государственную канцелярію выработать „основныя положенія преобразованія судебной части въ Россіи."

Вскорѣ положенія эти были представлены въ государственный совѣтъ и утверждены Государемъ Императоромъ. Затѣмъ особая коммисія, составленная при государственной канцеляріи занялась болѣе подробною разработкою основныхъ положеній. Работа продолжа-

лась почти два года. Къ участію были привлечены всѣ компетентныя въ этомъ дѣлѣ лица.

По общему признанію, ни одна законодательная реформа послѣдняго царствованія не отличается такою послѣвательностью, цѣлесообразностью, какъ труды означенной коммисіи. Высоко просвѣщеннымъ составителямъ судебныхъ уставовъ приходилось проводить такіе принципы, которые чужды были нашей жизни. Помимо этого они должны были выдерживать ярые нападки послѣднихъ изъ могиканъ крѣпостной тьмы, основавшихъ для своей цѣли свой спеціальный органъ *Вѣстъ*.

Чѣмъ тяжелѣе была задача коммисіи, тѣмъ съ большею признательностью произноситъ русское общество имена лицъ, ее выполнившихъ. Въ настоящее время намъ почти невозможно понять всей трудности той борьбы, которую вели прогресисты этого недавняго прошлаго съ обскурантами шестидесятыхъ годовъ. Къ счастью, борцы за свободу

и равноправность вышли съ честью и потомство не можетъ не благодарить ихъ.

Въ началѣ 64 года, коммисія окончила свои работы, и представила въ государственный совѣтъ проектъ объ учрежденіи судебныхъ мѣстъ и уставы уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Къ концу того-же года были окончены всѣ необходимыя поправки въ этихъ проектахъ, и 20 ноября открытъ с.-петербургскій судебный округъ.

Согласно духу новыхъ судебныхъ уставовъ, административная и обвинительная власти отдѣляется отъ судебной, вводятся публичность и гласность суда, независимость судей, адвокатуры и состязательный порядокъ судопроизводства *); при всемъ этомъ общественной совѣсти предоставлено важное мѣсто: въ уголовныхъ дѣлахъ присяжные засѣдатели произносятъ безапелляціонный приговоръ надъ подсудимымъ.

*) См. десять лѣтъ реформъ--Головачева.

Такимъ образомъ, русскому народу даровано право произносить приговоръ по совѣсти надъ лицами, нарушающими естественныя нормы его жизни, быть можетъ, невольно подъ вліяніемъ обстоятельствъ, отъ нихъ лично мало зависящихъ. Теперь, надѣюсь, вы вмѣстѣ со мною скажете, господа, что уставы 20 ноября—такой-же важный актъ русской исторіи, какъ и положеніе 19 февраля.

Изъ самой сути главнѣйшихъ реформъ органически вытекала необходимость народнаго самоуправленія: оно должно было служить однимъ изъ важныхъ дополнительныхъ пунктовъ къ длинному ряду законодательныхъ мѣръ настоящаго царствованія; поднятіе народнаго хозяйства, развитіе промышленности, улучшеніе путей сообщенія и многое другое ждало энергическаго толчка отъ указа 4 января 1864 года.

Въ нашихъ скромныхъ классныхъ бесѣдахъ, господа, я не разъ имѣлъ случай обращать ваше вниманіе на то,

что начала земскаго самоуправленія не есть экзотическое растеніе, чуждое русской жизни; они, какъ и судъ присяжныхъ, встрѣчаются въ древней Руси. Положимъ, громадная разница между нашимъ земствомъ и древне-русской земщиной; но мы, опредѣляя характеръ древняго общиннаго устройства, находили въ немъ элементы, которые между прочими легли въ основу нашихъ земскихъ учрежденій.

Въ раннюю эпоху нашей исторіи земщины пользовались полнѣйшей самостоятельностью. Но съ усиленіемъ централизаціи онѣ постепенно теряютъ свои права. Быть можетъ, въ этомъ какъ и въ актѣ закрѣпленія крестьянъ, представлялась историческая необходимость.

Нечего распространяться о томъ, какъ это отразилось на народную самодѣятельность, *самоинниціативу*, если можно такъ выразиться,—достаточно сказать, что для экономическаго благополучія народа немыслимо было не

„призвать его къ ближайшему участію въ завѣдываніи дѣлами, относящимися до хозяйственныхъ пользъ и нуждъ каждой губерніи, каждаго уѣзда мѣстное ихъ населеніе посредствомъ избираемыхъ отъ онаго лицъ“, какъ сказано въ указѣ, данномъ правительствующему сенату 1 января 1864 года.

Польза земскихъ учрежденій, несмотря на непродолжительность времени ихъ существованія, сказалась ощутительнымъ образомъ въ улучшеніи старыхъ и проведеніи новыхъ путей сообщенія, въ развитіи торговли, промышленности и народнаго образованія, въ улучшеніи санитарныхъ условій и т. д. У всѣхъ на памяти, какую громкую извѣстность заслужили русскія земства во время голода 1868—какую помощь оказали они бѣдствовавшему населенію разныхъ мѣстъ Россіи.

Земскія учрежденія выдвинули многихъ замѣчательныхъ дѣятелей, услугами которыхъ дорожитъ общество. Еще раньше распространеніе выборна-

го начала на университеты вывело русскую науку изъ пеленокъ, поставило ее на твердую ногу, дало жизненность и силу для дальнѣйшаго развитія.

И такъ, слегка намѣтивъ лишь главнѣйшія изъ реформъ настоящаго царствованія и указавъ на ихъ органическую связь между собой, надѣюсь мнѣ удалось доказать мысль, что изъ всѣхъ почти моментовъ русской исторіи лишь эпоха, созданная Царемъ-Освободителемъ имѣетъ великое историческое значеніе съ точки зрѣнія даже обще-человѣческой культуры. Если реформы послѣдняго двадцатипятилѣтія еще не успѣли коренным образомъ реорганизовать нашу жизнь, если онѣ не переродили насъ, то это потому, что ошибки ряда вѣковъ не исправляются десяткомъ—другимъ лѣтъ. Ребенокъ въ два года не дѣлается зрѣлымъ человѣкомъ, молодой кустъ—широко-вѣтвистымъ, тѣнистымъ деревомъ. Такъ и въ жизни улучшенія происходятъ постепенно, неуклонно подчиняясь закону послѣдова-

тельности. Жизнь не привыкла къ скачкамъ, а если они и случаются, то не создаютъ счастія и благополучія народу: Они утомляютъ и ввергаютъ въ бездѣятельность, граничащую съ индефферентностью. За чрезмѣрнымъ напряженіемъ мускуловъ, естественно, наступаетъ ослабленіе всего организма. Тотъ народъ счастливъ, который идетъ по пути прогресса мѣрными, твердыми шагами.

Пожелаемъ, господа, и мы того же своему отечеству и взглянемъ на будущее не съ чувствомъ разочарованія, а надежды.

2007099577